



А.Н. Пугачев

Право как системное явление: ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ

Современную правовую действительность нельзя оценивать с помощью старых, подчас слишком узких подходов, категорий и схем. Если правовед намеревается производить гибкие и адекватные научные операции, достигать более высоких уровней общения и, в то же время, выявлять самые тонкие моменты правовой материи, его анализ должен осуществляться в рамках системы, которая отражает всю правовую реальность в целостном виде, а не отдельные ее компоненты. Такой комплексной и интегрирующей категорией, отражающей всю правовую организацию общества, может быть только правовая система, как «вместилище, средоточие разнообразных юридических явлений» [1]. Напомним, что категория правовой системы появилась в научной литературе относительно недавно и до сих пор остается слабо разработанной. Ни один из ученых не может претендовать на то, что предложенный им перечень составляющих элементов правовой системы является исчерпывающим. Это действительно затруднительно, поскольку правовая система, охватывая весь спектр правовых явлений, выступает как разноуровневое и многослойное образование, имеющее свои статические и динамические приоритеты, системы и подсистемы, горизонтальные и вертикальные связи и отношения, историко-культурные и генетические аспекты своего становления и развития.

Эта конструкция наиболее полно отражает сложный *правовой уклад конкретного общества*. Именно в рамках данной конструкции право как нормативная система приобретает предельно четкие и узнаваемые очертания. Концепция позитивного права становится составной частью концепции правовой системы, и при этом нет необходимости возвращаться к дискуссии об узком или широком понимании права, в результате которой юридические нормы «размазываются» среди идей, отношений, идеологий, психологий, естественных прав и т.п. специфических феноменов, образующих обширную инфраструктуру, среду функционирования правовой системы. Ценность понятия правовой системы как раз и заключается в том, что в ее рамках создаются дополнительные аналитические возможности для изучения всей правовой действительности. Именно здесь, на уровне *правопонимания* термину «право» уместно и необходимо придавать разные значения, вовсе не смущаясь тем, что данным словом обозначаются совершенно разные явления. Иными словами, правовая система каждому специфическому компоненту найдет свою плоскость его рассмотрения.

Создаваемая панорамность правовой жизни – результат интегративного подхода, при котором входящие в правовую систему компоненты (неодинаковые по своему значению, природе, самостоятельности и пр.) подчинены об-

щей схеме, поскольку развитие любой системы (правовой в том числе) подчинено общим закономерностям, характеризуемым в единстве.

Выскажем предположение, что использование категории «правовой системы» нивелирует сопоставимое с ней понятие «правовой надстройки», поскольку последней, следует признать, оказалось недостаточно для того, чтобы адекватно отразить усложнившуюся правовую жизнь, объясняя правовые явления лишь отношениями экономического базиса и постоянно подчеркивая детерминированность права материальными (т.е. первичными) факторами. Охватывая в принципе одинаковые рамки правовой реальности, понятие правовой системы может успешно заменить понятие правовой надстройки, т.к. по своему содержанию первая категория намного шире, богаче, сложнее второй, концентрировавшей свое внимание на наиболее обобщенных проявлениях правовой действительности в ракурсе материалистической философии.

Еще раз оговоримся, что правовую систему нельзя рассматривать как некий аналог собственно права. Данная категория – это не право в его широкой трактовке, это прежде всего возможность составить наиболее глубокое представление о сущности и содержании права и связанных с ним явлений. Поскольку отдельные компоненты юридической среды достаточно хорошо изучены (правоотношения, нормы, правосознание т.д.), пришло время синтезировать все это в одном понятии, чтобы получить возможность лучше отразить и представить общий правовой фон, с учетом постоянно происходящих противоречивых процессов. Такой категорией и выступает правовая система общества, значение которой для юриспруденции предопределяется не ценностью ее как объекта, а как наиболее эффективного юридического инструмента. Мы приходим к выводу о том, что правовая система выступает не только в качестве объекта правоведения, она к тому же дает возможность применить системно-структурный подход к исследованию правовой действительности. Оговоримся лишь по поводу того, что в науке сравнительного правоведения понятие, содержание и функции правовой системы раскрываются несколько иначе, чем в общей теории права, т.к. компаративистика имеет дело с правовым материалом, обладающим признаками инородности.

Как нам представляется, выдвижение идеи правовой системы явилось очень удачным компромиссом между сторонниками узкого и широкого понимания права, «ибо те, кто стремится расширить понятие права и охватить им помимо норм ряд других элементов, получают наконец категорию, которая может отразить все это. В данном случае конструкция правовой системы является удачным «выходом из положения», т.к. каждая из сторон сохраняет свои позиции, достигает целей» [2]. Теперь становятся понятными опасения Ю.А. Денисова и Л.И. Спиридонова, которые указывали, что «если последовательно отождествлять, хотя бы по объему, термины «право» и «правовая система», то первое может вообще исчезнуть из юридической науки» [3]. Какой из этих терминов целесообразно использовать в том или ином контексте? Все «зависит от уровня теоретических абстракций», отмечает С.С. Алексеев и здесь же уточняет, «что когда при освещении правовых явлений говорится о праве, то во многих случаях подразумевается целостная правовая система. С другой стороны, указание на правовую систему нередко означает, что ... право мыслится во всех его проявлениях» [4]. Мнение С.С. Алексеева авторитетно еще и потому, что именно этому ученому принадлежит авторство по введению категории «правовая система» в сферу отечественной юридической науки (см. С.С. Алексеев. Общая теория права. Т.1. – М., 1981, с. 87). Остается заметить, что если категория правовой системы вошла в научный обиход лишь в 80-е годы (благодаря Тиуновой Л.В. [5], Саидову А.Х. [6], Васильеву А.М. [7], Явичу Л.С. [8] и др.) и раньше в отечественной науке прак-

тически не использовалась, то зарубежные исследователи давно и активно оперируют этим понятием. Достаточно упомянуть книгу-бестселлер «Основные правовые системы современности» известного французского юриста Рене Давида [9], которая выдержала несколько изданий на русском языке, а также фундаментальный труд американского ученого Л. Фридмана «Введение в американское право», из которого будет уместна следующая цитата: «Термин «право» относится обычно только к нормам. Но необходимо проводить демаркационную линию между нормами как таковыми и теми институтами и процессами, которые вдыхают в них жизнь. Эта расширенная сфера и есть правовая система ... Необходимо разграничивать понятие «право» и «правовая система» [10].

Но, даже понимания того, что право может рассматриваться как многоуровневое системное образование недостаточно, чтобы категория «правовая система» в ряду иных «систем» (система права, система законодательства и т.д.) заняла особое место. Правовая система как наиболее высокий уровень абстракции должна рассматриваться как одна из социальных подсистем наряду с политической, экономической и т.д. Под таким углом зрения изучение правовой системы в «связке» с внешними общественными факторами дает наиболее полную картину ее становления, развития и функционирования. Только через взаимодействие правовой системы с «внешней средой» посредством каждого того или иного ее компонента можно дать многомерное отражение правовой действительности конкретной страны на ее идеологическом, нормативном, институциональном и социологическом уровнях! Не следует при характеристике того или иного компонента опасаться того, что он может проявить себя совершенно непредсказуемым образом, не вписываясь в рамки традиционных подходов и оценок. Это объясняется прежде всего тем, что правовая система включает в себя *разнородные элементы*. Этим она отличается от «внутриправовых» системных образований, состоящих исключительно из однородных элементов (норм, учреждений, отношений, нормативных актов и т.д.). В юридической литературе наиболее распространенным считается подход, согласно которому элементный состав правовой системы может быть представлен следующим образом (возьмем за основу классификацию Г.И. Муромцева) [11]: 1) доктринально-философский, или идеологический уровень (правопонимание, понятия и категории права и т.д.); 2) нормативный, т.е. совокупность действующих в обществе правовых норм (то, что называется объективным правом); 3) институционный, (т.е. юридические учреждения – правотворческие и правоприменительные); 4) социологический (т.е. правоотношения, применение права, юридическая практика).

Так вот, ни один из самых специфических компонентов правовой системы не может и не должен быть «привязан» к ее какому-либо одному элементу. Система – не застывшая структура, именно подвижность правовых компонентов обеспечивает своеобразный «круговорот» в правовой сфере, коррелируя взаимосвязи и взаимозависимости между указанными элементами. Очень много современных разногласий в правоведческой науке порождено как раз тем обстоятельством, что большинство подходов, терминов, конструкций и схем приобрели свои очертания и укоренились в науке, законодательстве и практике задолго до того, как появилась в правоведении универсальная категория – «правовая система».

Ряд теоретических проблем, постоянно муссируемых в юридической литературе, имеют во многом надуманный, умозрительный характер, т.е. не являются проблемами как таковыми. Наиболее часто в качестве «актуальных» проблем звучат следующие: состоялся ли судебный прецедент в белорусском праве?; является ли решение дела по аналогии не только правоприме-

нительным, но и правотворческим актом?; можно ли рассматривать судебную практику в качестве источника права?; имеет ли правовая норма дву-членную или трехчленную структуру? и т.п. Самое интересное заключается в том, что каждый ученый по-своему прав, отстаивая свою позицию. Но чаще всего позиция обременена однолинейностью правового восприятия, т.к. сформировалась в привязке *лишь к одному из элементов правовой системы*. Действительно, при переходе на иной уровень правовой системы мы вынуждены одно и то же явление трактовать иначе, изыскивая иные координаты измерения и подбирая иную терминологию. Соответственно, и старая аргументация окажется бесполезной, т.к. она уместна для своего уровня (элемента) правовой системы. Например, характеризуя норму права с позиций о том, каким должно быть позитивное право, мы оцениваем ее в рамках доктринально-философских установок, что соответствует *идеологическому* измерению правовой системы. Можно оценить норму с позиций определения ее юридической силы. Но это уже будет сугубо *нормативное* измерение. Рассматривая норму в действии (через процесс применения), мы неизбежно начнем ее оценивать через призму правоотношения, но это уже будет *социологическое* измерение нормы. Анализируя, какое начало, правотворческое или правоприменительное, в большей степени характеризует юридическую природу заключений Конституционного Суда, мы неизбежно «переберемся» на *институционный* уровень правовой системы, т.к. нашей главной задачей будет выяснение места и роли Конституционного Суда как специализированного юрисдикционного учреждения в системе национального правотворчества.

Таким образом, один-единственный компонент «норма права» был рассмотрен нами в рамках каждого элемента правовой системы, но это отнюдь не придало норме широкую трактовку и не погрузило читателя в полемику правопониманий, основанную на ценностно-мировоззренческих критериях и идеологических предпочтениях. Соответственно, по характеру соотносимости с каждым элементом правовой системы должны быть оценены все важнейшие ее компоненты, что позволит выявить интегрирующие и доминирующие ее принципы, обнаружить своеобразные «эпицентры» правовой системы, упорядочить и систематизировать знания об основных сферах правовой жизни, выработать четкие оценочные критерии. Только при таком подходе науки и законодателя правовая система будет «чутко и своевременно реагировать на возникающие тенденции и симптомы, улавливать пульс общественной жизни» [11, с. 165].

Таким образом, при предложенном системном исследовании содержание отдельных элементов права изучается как единое целое, что позволяет моделировать и прогнозировать его развитие. И в таком случае задача правового реформирования не должна ограничиваться констатацией предполагаемой цели – создания эффективной и демократической по своему духу правовой системы. Как нами было показано, сама правовая система может выступать очень действенным инструментом этих преобразований, учитывая при этом, с одной стороны, национальные особенности Беларуси, с другой – неизбежность интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Карбонье Ж.** Юридическая социология / Пер. с фр. М., 1986. С. 277.
2. **Матузов Н.И.** Право и правовая система. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. **Н.И. Матузова и А.В. Малько.** М., 1997. С.164.
3. **Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И.** Абстрактное и конкретное в советском правоведе-нии. Л., 1987. С. 67.
4. **Алексеев С.С.** Право и правовая система // Правоведение, 1980, № 1. С. 32.

5. *Тунова Л.В.* О системном подходе к праву // Советское государство и право, 1986, № 10. С. 49.
6. *Саидов А.Х.* Введение в основные правовые системы современности. Ташк., 1988. С. 4
7. *Правовая система социализма* / Под ред. *А.М. Васильева*. Т.1. М., 1986; Т.2. М., 1987. С. 4
8. *Явич Л.С.* Сущность права. Л., 1985. С.41.
9. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1998.
10. *Фридман Л.* Введение в американское право / Пер. с англ. М., 1992. С. 8.
11. *Муромцев Г.И.* Основные правовые системы прошлого и современности. Проблемы общей теории государства и права. Учебник / Под общ. ред. *В.С. Нерсесянца*. М., 1999. С.281.

S U M M A R Y

This article is devoted to the research of the legal system phenomenon, its functions and elements.

The mentioned theme is observed considering the correlation with the following relative categories which have differences: legal superstructure, positive law, legislation system. The instrumental properties of the legal system playing the role of the transforming factor in the law reforms are discovered.

Поступила в редакцию 28.01.2002

УДК 340.111.5

О.Н. Ячменева, А.А. Бочков

Правовые отношения: к постановке проблемы

Проблема правовых отношений – одна из наиболее сложных и дискуссионных в юридической науке. Накопленный отечественными и зарубежными юристами опыт изучения правового общественного отношения свидетельствует о заметных успехах познания в данной области. Правоотношения заняли центральное место в системе основных категорий и понятий современного правоведения и продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Но, в то же время по поводу правовых отношений в науке продолжают сохраняться нерешенные вопросы. За многолетнее их изучение так и не удалось выработать единого воззрения на юридическое отношение. Оно трактуется в юридической литературе в качестве то способа, то стадии, то результата реализации правовой нормы. Довольно распространено представление о нем как об урегулированном нормой права общественном отношении. Нет единства в понимании элементов структуры юридических отношений. В частности, под содержанием последнего одни ученые понимают права и обязанности, вытекающие из норм действующего законодательства, другие – действия субъектов, использующих и исполняющих права и обязанности. Нам представляется, что эти понятия неотделимы. В процессе правового регулирования можно наблюдать многогранное взаимодействие юридического (пра-